

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Алчущие и жаждущие

(Петербургские очерки #9)

«Въ теченіи цѣлаго дня, къ подъѣзду большаго дома то и дѣло подъѣзжаютъ извозчики съ сѣдоками и чемоданами. Сѣдоки разные: мужчины и женщины, молодые и пожилые, но всѣ болѣе или менѣе плохо одѣтые, съ печатью провинціальности во всей внѣшности, съ выраженіемъ не то растерянности и оторопѣлости, не то какого-то радостнаго испуга на лицахъ. Попадаются особенные, рѣзко бросающіеся въ глаза костюмы: то сибирская доха, мѣхомъ наверхъ, то кавказская бурка, изъ подъ которой торчитъ конецъ Богъ вѣсть для чего подвѣшаннаго кинжала, то какое-то длинное рыжее пальто, о которомъ ни одинъ петербургскій портной не умѣлъ бы сказать, какого оно фасона, то наконецъ дамская тальма, отдѣланная такими странными бирсерными и стеклярусными паучками, какихъ не найти во всей Перинной линіи. Чемоданы тоже разные: большіе, плоскіе, съ протертыми углами и наклеенными билетиками отъ всѣхъ станцій отправленія, перевязанныя веревками корзины, вышитые гарусомъ мѣшки, и наконецъ просто узелки, неумѣло обмотанные ремешками съ оторванными пряжками...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Васи́лий Григо́рьевич
Авсе́енко
Алчу́щіє и жажду́щіє**

Въ теченіи цѣлаго дня, къ подъѣзду большаго дома то и дѣло подъѣзжаютъ извозчики съ сѣдоками и чемоданами. Сѣдоки разные: мужчины и женщины, молодые и пожилые, но всѣ болѣе или менѣе плохо одѣтые, съ печатью провинціальности во всей внѣшности, съ выраженіемъ не то растерянности и оторопѣлости, не то какого-то радостнаго испуга на лицахъ. Попадаются особенные, рѣзко бросающіеся въ глаза костюмы: то сибирская доха, мѣхомъ наверхъ, то кавказская бурка, изъ подъ которой торчитъ конецъ Богъ вѣсть для чего подвѣшаннаго кинжала, то какое-то длинное рыжее пальто, о которомъ ни одинъ петербургскій портной не умѣлъ бы сказать, какого оно фасона, то наконецъ дамская тальма, отдѣланная такими странными бисерными и стеклярусными паучками, какихъ не найти во всей Перинной линіи. Чемоданы тоже разные: большіе, плоскіе, съ протертыми углами и наклеенными билетиками отъ всѣхъ станцій отправленія, перевязанныя веревками корзины, вышитые гарусомъ мѣшки, и наконецъ просто узелки, неумѣло обмотанные ремешками съ оторванными

пряжками.

Все это, люди и чемоданы, исчезаетъ въ широкомъ подъѣздѣ, и размѣщается по комнатамъ и каморкамъ, расположеннымъ по длиннымъ и скверно пахнущимъ корридoramъ.

Не совсѣмъ опрятные лакеи и безобразнаго вида горничныя бѣгаютъ съ утра съ сапогами, половыми щетками и подносами. По угламъ корридоровъ дребезжать звонки. Изъ номеровъ доносятся разговоры, окрики на прислугу, хлопанье плохо дѣйствующихъ педалей умывальниковъ. Иногда какая-нибудь дверь быстро отворяется, вылетаетъ фигура въ порыжѣломъ пальто и резиновыхъ калошахъ, и торопливо, съ напряженной озабоченностью въ лицѣ, спускается съ лѣстницы.

«— Только бы застать дома», — думаетъ фигура. — «Пятый разъ хожу, и все дома нѣтъ. Ну, а сегодня я пораньше поднялся, навѣрное застану. Посмотримъ, что скажутъ. Неужели не надо? Ёсть нужно, работать хочется. Неужто такъ ни при чемъ и останусь?»

Напряженная озабоченность вообще читается на лицахъ всѣхъ многочисленныхъ оби-

тателей и обитательницъ дома. Никто здѣсь не расположился, не устроился; всѣ живутъ изо дня въ день, въ тревожномъ ожиданіи мѣстечка, ангажемента, работы. За этимъ и пріѣхали. Провинція каждый день высылаетъ сюда все новыя и новыя партіи ищущихъ труда, удачи, т. е. денегъ, какихъ-нибудь денегъ, хоть самыхъ маленькихъ, лишь-бы перебитъ-ся «пока» – а тамъ навѣрное что-нибудь выйдеть, отыщется, потому что гдѣ-же и найти, какъ не въ Петербургѣ?

Молоденькая, недурненькая собою дѣвушка, въ шерстяной блузочкѣ, съ нерасчесанными еще волосами, пробѣжала по корридорю и стукнула въ дверь N 17. Не дождав-шись, пока ей отвѣтили, она уже просунула голову, и увидавъ обитательницу номера сидящею передъ установленнымъ на коммодѣ зеркальцемъ, вошла въ комнату.

– Здравствуйте. Принесли вамъ газету? – спросила она.

– Вонъ тамъ на столѣ. И мое, и ваше объявленія вышли, – отвѣтила ей сидѣвшая передъ зеркаломъ.

Вошедшая бросается къ газетѣ, не безъ тру-

да находить свое объявленіе, долго много разъ читаетъ его, и лицо ея принимаетъ почти радостный видъ.

– Ну, теперь надо ждать. Я думаю такъ сдѣлать: мы будемъ выходить изъ дому по очереди. Если безъ васъ кто придетъ, я выйду переговорить; если безъ меня – вы переговорите, – предложила сосѣдка.

– Вы кофе пили?

– Нѣтъ еще. А вы, Рузова?

– Садитесь, будемъ вмѣстѣ пить.

За кофе обѣ сосѣдки возбуждены и говорятъ на перебой.

– Вы счастливица, замужемъ были, вамъ не страшно поступить въ чужой домъ, – позавидовала девушка. – А я ужасно боюсь: вдругъ ко мнѣ приставать станутъ.

– А вы смотрите только, со средствами чловѣкъ, или безъ средствъ? – посоветовала дама. – Если со средствами, такъ пускай себѣ пристаешь, вамъ-же лучше: подарки будетъ дѣлать, баловать будетъ. Вотъ, вы не посоветовались со мной, а надо было совсѣмъ не такъ объявленіе составить. «Пріѣзжая особа ищетъ мѣста лектрисы или письменныхъ

занятой» – кому это нужно? Никто и не поинтересуется придти взглянуть на васъ. Подумаютъ, старая какая-нибудь, или рожа.

– А какъ-же надо было? – спросила дѣвушка.

– Очень просто: «Молодая особа желаетъ быть чтицей у одинокаго», – объяснила дама. – А не то прибавить: «симпатичной наружности», или въ такомъ родѣ. Вотъ, меня будутъ розыскивать, потому что я напечатала: «Молодая красивая особа желаетъ завѣдывать хозяйствомъ у вдовца, на выгодныхъ условіяхъ». По такой публикаціи непременно будутъ розыскивать. А если ничего не выйдетъ, я по-французски напечатаю; это еще лучше.

Лицо дѣвушки печально вытянулось.

– Нѣтъ, я такъ не соглашусь; я буду искать мѣста къ дамѣ, – сказала она.

– Ну, и проищете, пока послѣднюю юбку въ ломбардъ снесете. Или къ такой дамѣ попадете, которая хуже мужчины.

Кто-то изъ сосѣдней комнаты постучалъ въ стѣну.

– Это барынька изъ Одессы, сбѣжала отъ

мужа, хочеть на сцену поступить, – объяснила жилица N 17. – Я дома, зайдите! – крикнула она громко.

Черезъ минуту вошла молодая женщина, нѣсколько восточнаго типа, съ большими глазами и яркими губами. Рузова представила ей дѣвушку и спросила:

– Ну, какъ дѣла?

– Ахъ, ужъ не знаю, что вамъ сказать, отвѣтила та. – Предлагають на выходныя роли. Это бы еще ничего, я сама понимаю, что нельзя-же сразу. Но жалованье, можете себѣ представить, 20 или 25 рублей. Посудите, какъ-же я могу жить на эти деньги?

– Очень хорошо можно жить, – возразила Рузова. – Актриса Мигалова роскошно живетъ, а получаетъ въ театрѣ 20 рублей въ мѣсяцъ. И она собой гораздо хуже васъ.

Одесситка вспыхнула и сдѣлала серьезное лицо.

– Очень можетъ быть, но я на это не пойду, – сказала она. – Я сейчасъ побываю у одного директора, который соглашается принять меня на амплуа гранд-кокетъ.

– Такъ въ чемъ же остановка? – немножко

иронически спросила Рузова.

– Онъ говоритъ, что я должна имѣть роскошные туалеты; а откуда я возьму ихъ, если въ случаѣ удачнаго дебюта всего-то жалованья полагается сто рублей.

– Ну, вотъ видите. И выходитъ, что я вѣрно говорю. Будь я такая красивая, какъ вы, я-бы сама изъ послѣдняго за выходъ заплатила-бы, потому что на сценѣ въ три дня можно великолѣпную карьеру сдѣлать.

Дѣвушка, до сихъ поръ молча вслушивавшаяся въ разговоръ, стремительно обратилась къ одесситкѣ:

– Скажите, а меня взяли-бы въ труппу на 25 рублей?

Та посмотрѣла на нее улыбаясь, и отвѣтила:

– Очень можетъ быть; хотите, поѣдемъ вмѣстѣ къ моему директору?

– Ахъ, пожалуйста. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть изъ меня вышла-бы актриса? Раздались три удара въ дверь. Дѣвушка, вспомнивъ, что она одѣта по домашнему, бросилась за ширмы.

Вошелъ пожилой господинъ, довольно

приличной внѣшности. При видѣ двухъ дамъ вмѣсто одной, онъ выразилъ на лицѣ пріятное удивленіе.

– Это вы, сударыня, ищете выгоднаго амплуа? обратился онъ къ одесситкѣ.

– А вы директоръ? – спросила та въ свою очередь. Вошедшій нѣсколько удивленно поднялъ брови.

– Да, я директоръ, – отвѣтилъ онъ.

– Какого театра?

– Театра? Я директоръ акціонернаго общества, сударыня, а не театра. Впрочемъ, если угодно, большой также любитель сценическаго искусства. Рузова разсмѣялась.

– Вы по публикаціи? Это ко мнѣ, сказала она.

* * *

Въ концѣ корридора, въ маленькой комнатѣ, передъ столикомъ съ двумя бутылками пива, сидитъ пожилой господинъ съ гладко-выбритымъ лицомъ, по которому въ немъ сразу можно узнать актера. По крошечному пространству между столикомъ и дверью прохаживается молодой человекъ, съ папирской въ рукѣ.

– Помилуйте, на выходныя роли, сорокъ рублей жалованья, – говоритъ онъ, нервно за-тягиваясь окуркомъ. – Развѣ я для этого сюда ѣхалъ? Я въ провинціи получалъ семьдесятъ пять рублей, такъ вѣдь тамъ дешевизна. Тамъ жизнь ничего не стоитъ: за три рубля въ недѣлю я имѣлъ комнату съ обѣдомъ. А тутъ трехъ рублей на день не хватаетъ. Или, напримѣръ, прачка принесла счетъ въ два съ полтиной: по четвертаку за крахмальную сорочку дереть. А я сорочку долженъ каждый день мѣнять, у меня амплуа такое...

– Врешь, ты на вторыя роли, – произнесъ пожилой актеръ.

– Такъ что-жъ, что на вторыя? все-таки я любовникъ, – возразилъ молодой человѣкъ.

– Любовникъ, да не первый. Второму любовнику сорочка на два дня полагается.

– Нѣтъ, Афанасій Ивановичъ, я такъ не могу. Я актеръ съ гардеробомъ. У меня фракъ постоянный, собственный. У меня четыре перемѣны «фантази», да еще постороннихъ брюкъ двѣ пары. Съ такимъ гардеробомъ нельзя идти на сорокъ рублей. Мнѣ обзаведенье чего стоило,

– Обзаводила-то тебя купчиха Дарья Викуловна.

– И пускай такъ, а все-таки я обзаведе-ние-то сохранилъ. А вотъ вамъ, Афанасій Ивановичъ, енотовую шубу въ бенефисъ поднес-ли, а позвольте узнать, гдѣ она у васъ? У трактирщика Василя Ермолаевича на плечахъ, вотъ гдѣ.

– Ну, и что-жъ такое? Мнѣ иначе нельзя было: я тогда кончалъ. Еслибъ я не кончилъ тогда, мнѣ бы и въ Петербургъ не попасть: на полустанке застрялъ-бы. А какъ я тамъ кончилъ, такъ теперь хоть до Рождества могу работать.

– Да гдѣ работать-то? Много вы сыскали работы? Въ двухъ театрахъ отказъ получили.

– Опоздалъ. Кончалъ очень долго, оттого и опоздалъ. Комплекты заполнены, а иначе я теперь ужъ гремѣлъ-бы. Ты пойми: я комикъ-резонеръ. Это столбовое амплуа, не то что второй любовникъ.

– Комикъ вы, точно.

– Да, душа моя. Жаль мнѣ тебя, пропадешь ты тутъ въ Петербургъ. Одно развѣ выручить: рожица у тебя смазливая.

Молодой человекъ швырнулъ въ уголъ окурокъ, наклонился къ маленькому зеркальцу и посмотрѣлся.

— Кажется, не совсѣмъ уродъ, — произнесъ онъ довольнымъ тономъ. — Да знаете, Афанасій Ивановичъ, женщины здѣсь не тѣ, какъ у насъ въ провинціи. Подозрительны очень. И на актеровъ тутъ ужъ очень насмотрѣлись, ни во что ставятъ.

Афанасій Ивановичъ презрительно надулъ щеки.

— Набаловали васъ купчихи-то. Ишь, любовники! Съ гардеробами ѣздятъ, словно опереточныя актриски, — проворчалъ онъ. А у меня, вотъ, рубашка вторую недѣлю на тѣлѣ. Такъ вѣдь у меня ампула серьезное. Ты думаешь, я мѣста не найду? Врешь, сейчасъ найду. На гастроли въ клубы пойду. А не то народные театры. Ихъ, говорятъ, съ десятокъ будетъ. Съ руками оторвутъ. Садись, Миша, пей. Я еще спрошу. Я по числу театровъ спрошу. Сколько театровъ, столько бутылочекъ.

Молодой человекъ присѣлъ и съ удовольствіемъ выпилъ стаканъ.

— Ахъ, Афанасій Ивановичъ, но сколько же

этой бѣдноты голодной по Петербургу рыщеть, страсть! – заговорилъ онъ, раскуривая новую папирску. – Вѣдь вотъ хоть бы тутъ, въ этомъ домѣ: сверху до низу все набито алчущими и жаждущими. Въ каждомъ номерѣ голодный ротъ торчитъ, проживаетъ послѣднюю копѣйку, и все думаетъ: вотъ-вотъ найду что-нибудь, устроюсь какъ-нибудь. И кого, кого только нѣтъ! Рядомъ со мною, на чердакѣ, отставной полковникъ живетъ, старый, едва ноги волочить, а притащился въ Петербургъ, говоритъ: хочу какое-нибудь дѣло найти себѣ. Тутъ, черезъ комнату отъ васъ, второй мѣсяцъ старушка проживаетъ съ четырьмя взрослыми дочерьми: дома, говоритъ, ничего не зарабатываешь, такъ я въ Петербургъ пріѣхала, тутъ дочки занятіе найдутъ, которая по урокамъ будетъ бѣгать, которая по письменной или конторской части. Публиковала ихъ всѣхъ, да никто не спрашиваетъ. А что всякаго театральнаго бабья тутъ набилось, страсть! Иная и въ театрѣ-то еще никогда не была, а на сцену думаетъ поступить. Сегодня двухъ выпроваживали на улицу: заплатить нечѣмъ, и на обрат-

ную дорогу нѣтъ. Чѣмъ только всѣ они покончатъ, одному Господу Богу извѣстно.

Комикъ-резонеръ налилъ два стакана. – А ты пеѣ, – предложилъ онъ. – Умствованіе-то свое спрячь въ карманъ. Сказано: не пецитесь объ утреви...